

Раздел III

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Мы уже знаем, что такое психика, какими методами ее изучают, как она развивается. Теперь предстоит дальше разобраться в основных блоках, частях, из которых построен внутренний мир человека. Известно, что психика — это сложная отражательная деятельность мозга. Но окружающий мир может отражаться человеком по-разному. Например, о форме предмета мы узнаем, взглянув на него или осяпав, а для того чтобы проникнуть в структуру атома, надо провести длительные исследования и построить сложную систему рассуждений. В первом случае говорят о *непосредственном* отражении, во втором — об *опосредованном*. В первом случае результатом отражения будет наглядный образ, во втором — понятия и умозаключения.

Окружающий мир может отражаться в нашей психике также в виде тех или иных эмоций, переживаний, в виде стремлений и желаний. Наши действия и поступки тоже по-своему отражают действительность. Наконец, индивидуальные особенности человека — черты его личности, черты характера — не что иное, как своеобразное отражение его жизни и деятельности.

Существует немало попыток создать классификацию психических явлений. Издавна принято, например, деление психики на *познание, чувство и волю*.

Познание, или познавательная деятельность, подразделяется, в свою очередь, на ощущения и восприятия, память, мышление и воображение. Без такого расчленения невозможно конкретно изучить психическую деятельность человека. В любой науке, чтобы изучить явление, надо его как бы остановить и разложить на составные части, но такая операция таит в себе опасность: порой легко за-

быть, что на самом деле в реальной действительности таких отдельных частей нет, а есть *целостное, единое явление*, которое только *мысленно* разделено.

В нашей науке, психологии, эта опасность особенно велика. В жизни не бывает так, чтобы человек сначала ощущал, потом воспринимал, потом запоминал, потом переходил к размышлению и фантазированию; чтобы он отдельно испытывал эмоции и принимал решения, проявлял волю, темперамент и характер и т. д. Все это сливается в единый поток психической жизни, где все взаимосвязано, где все друг в друга переливается, друг от друга зависит. А главная сложность в том, что и направление, и сила, и скорость, и все остальные характерные особенности этого потока, все особенности психики конкретного человека зависят от строения его личности, от мотивов и целей его деятельности, от занимаемого им места в обществе и т. д. Даже самые на первый взгляд простые проявления психики зависят от особенностей личности в целом. Об этом мы еще будем говорить, а пока один пример из детской психологии.

У дошкольников изучали остроту зрения с помощью колец Ландольда. Кольца Ландольда — это окружности разного диаметра с разрывом. Человек, у которого проверяют зрение, должен сказать, где находится разрыв — справа, слева, сверху или снизу. Сначала ребята просили внимательно посмотреть и сказать, где колечко разорвано, после чего измеряли расстояние, с которого дети определяли разрыв в кольце. А потом ребенку предлагали игру в охоту. Договаривались, что он будет разведчиком и должен узнать, где находятся дикие звери. А узнать об этом можно по положению разрыва в кольце: с какой стороны окошечко, там и зверя надо искать. Звери пугливы, и надо как можно раньше узнать, где же они сидят. Значит, надо постараться увидеть разрыв в кольце с возможно большего расстояния. Маленькому охотнику говорили, что он, конечно, не подведет и хорошо справится с заданием. Лучшим охотникам была обещана награда.

В чем разница между двумя сериями эксперимента? Кольца Ландольда были одинаковы, освещение то же, испытуемые те же самые... Различие только в одном — в *мотивации*, в *отношении* маленького человека к задаче. И вот оказалось, что эти личностные психологические факторы очень существенно повлияли на остроту зрения почти у всех детей: особенно отличились те, кто быстро и активно вошел в роль охотника. Один из мальчиков в обычном

опыте смог увидеть разрыв в кольце с расстояния 350 сантиметров, а в игре — с 475 сантиметров. Прирост составил 125 сантиметров! В среднем острота зрения у всех испытуемых пяти-семилетнего возраста повысилась в условиях игры почти на 30 процентов.

С подобным влиянием личностного фактора мы будем встречаться на каждом шагу, и этому не надо удивляться. То, что мы уже знаем о целостности психики человека, о личностном характере психических процессов, впоследствии пригодится для того, чтобы из отдельных психических явлений «связать» понятие о человеческой личности. Иначе можно оказаться в положении незадачливого мастера, который разобрал часы, старательно описал все винтики, пружинки и шестеренки, но не понял, как действует целый механизм, и собрать их воедино так и не смог.

Подведем итог: психическая жизнь личности так же целостна и неразделима, как могучий водный поток... Но это не значит, что нельзя изучать физические свойства, химический состав воды, ее температуру и скорость движения... Примерно так же и мы попытаемся изучить отдельные свойства психики, не забывая об условности этой операции разделения.

ОЩУЩЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ

Тоньше и тоньше становятся чувства,
Их уже не пять, а шесть,
Но человек уже хочет иного —
Лучше того, что есть.

Знать о причинах, которые скрыты,
Тайные ведать пути —
Этому чувству шестому на смену,
Чувство седьмое, расти!

Л. Мартынов

Понятие об ощущении и восприятии

Тепло и холод, цвета и звуки, запахи и вкус, гладкость и шероховатость и многие, многие другие качества, признаки, свойства

Ощущение — это отражение отдельных свойств предметов и явлений, непосредственно воздействующих в данный момент на органы чувств.

Ощущение — это отражение отдельных свойств предметов и явлений, непосредственно воздействующих в данный момент на органы чувств.

Ощущение — это отражение отдельных свойств предметов и явлений, непосредственно воздействующих в данный момент на органы чувств.

Впрочем, в реальной жизни трудно выделить ощущения, так сказать, в чистом виде. Они всегда переживаются как свойства того или иного целостного предмета или явления: красное знамя, прохладный ветерок, душистая роза, сладкий мед и т. д.

Ощущения входят в структуру более сложного психологического процесса — *восприятия*.

Восприятие — это отражение предметов и явлений в целом при их непосредственном воздействии на органы чувств.

Ощущения и восприятия неразрывно связаны друг с другом. Из курса анатомии и физиологии вы знаете, что физиологическим аппаратом ощущений служат *анализаторы*, которые состоят из *рецептора* (глаз, ухо, вкусовые луковицы, расположенные на поверхности языка, и т. д.), *нервных путей и соответствующего участка мозга*. Для возникновения ощущений необходимо, во-первых, чтобы было что ощущать — какой-то предмет или явление; далее, предмет должен воздействовать на рецептор своим определенным свойством — цветом, поверхностью, температурой, вкусом или запахом. Воздействие может быть *контактным* (вы прикасаетесь пальцем к предмету или кладете его на язык) или *дистантным* (вы видите далекие звезды, слышите голос товарища, ощущаете запах моря). Однако оно *обязательно раздражает* специальные чувствительные клетки рецептора. *Раздражение — физический процесс*, но под его воздействием в нервных клетках возникает *возбуждение — физиологический процесс*, который, как вы помните, по *афферентным нервным волокнам* передается в соответствующий участок мозга. Только здесь этот физиологический процесс превращается в *психический*, и человек *ощущает* то или иное свойство предмета или явления.

Чувствительность и ее пороги

Для возникновения ощущения необходимо, чтобы раздражение достигло определенной силы, определенной величины. В этом легко убедиться. Всыпьте в полстакана воды несколько крупинок сахара. Попробуйте. Не сладко? Мало сахара. Сила раздражителя недостаточна. Понемногу досыпайте сахар и пробуйте. Наконец вы ощутите, что вода стала чуть-чуть сладковатой.

Простые подсчеты позволяют сделать вывод о том, что для возникновения первого ощущения понадобилось столько-то сахара на сто граммов воды.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Эта минимальная величина раздражителя, вызывающая едва заметное ощущение, называется нижним абсолютным порогом чувствительности.

Эта минимальная величина раздражителя, вызывающая едва заметное ощущение, называется нижним абсолютным порогом чувствительности.

Если опыт одновременно проводили несколько человек, может случиться, что один испытуемый уже заявил: «Сладко», а для других необходимо добавить еще не-

сколько крупинок. Это означает, что у первого более высокая чувствительность вкусового анализатора. Между абсолютной чувствительностью и ее порогом — обратная пропорциональная зависимость: чем меньше величина порога, тем выше чувствительность.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Верхний порог чувствительности — наибольшая величина раздражителя, при которой еще сохраняется данное ощущение.

Верхний порог чувствительности — наибольшая величина раздражителя, при которой еще сохраняется данное ощущение.

За этим порогом свет уже ослепляет.

Стакан со сладкой водой пригодится и для установления другой закономерности ощущение-

ний — дифференциального порога чувствительности, или порога различения. Добавьте в стакан несколько крупинок сахара. Заметили разницу? Еще немного, еще... Стало чуть-чуть слаще? Если от конечной величины раздражителя теперь отнять начальную, можно выяснить, на какую часть исходной величины пришлось изменить силу раздражителя, чтобы ощутить разницу.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Минимальное различие между двумя раздражителями, которое вызывает едва заметное различие ощущений, — это дифференциальный порог чувствительности (порог различения).

Минимальное различие между двумя раздражителями, которое вызывает едва заметное различие ощущений, — это дифференциальный порог чувствительности (порог различения).

Для каждого вида ощущений данная величина более или менее постоянна. Например, чтобы заметить разницу в весе, надо к

первоначальной величине добавить или отнять $\frac{1}{30}$ первоначальной, для слуховых ощущений порог составляет $\frac{1}{10}$, а для зрительных — $\frac{1}{100}$ первоначальной величины.

Величина порогов чувствительности зависит от многих причин. Особенно влияют на повышение чувствительности характер деятельности человека, его интересы, мотивы (вспомним, как изменилась острота зрения у дошкольников под влиянием новой задачи!), профессия, тренированность и т. д. Например, текстильщики различают до сорока оттенков черного цвета, а мы с вами только два-три. Трудно состязаться в умении различать музыкальные звуки со скрипачом, а вкусы и запахи — с дегустатором.

Впрочем, для того чтобы развить у себя высокую чувствительность, не обязательно быть профессионалом. К. И. Чуковский вспоминает, что у писателя А. И. Куприна было обоняние «звериное». Однажды Куприну устроили своеобразный экзамен. Подали несколько маленьких дынь и предложили распознать по их вкусу и запаху, не глядя на кожуру, к какому сорту принадлежит каждая дыня. Он нюхал и пробовал каждую с видом ученого дегустатора и отвечал безошибочно.

Познавательная роль ощущений и восприятий

Наше «я» «подключено» к окружающему миру через органы чувств. Французский мыслитель Д. Дидро писал, что «наши чувства — клавиши, по которым ударяет окружающая нас природа».

Но, может быть, наши ощущения, восприятия — это всего лишь игра воображения, не имеющая отношения к действительности? Именно так и думал английский епископ Беркли: «Esse est percipi» — «Быть — это быть воспринимаемым». «Я говорю: стол, на котором я пишу, существует, — это значит, что я вижу и осязаю его...» — полагал он.

Современники Беркли обратили внимание на то, что подобные рассуждения ведут ни более ни менее как к отрицанию существования других людей.

Но связывают ли нас перцептивные (перцепция — непосредственное отражение действительности органами чувств) образы

с окружающим миром, похожи ли они на то, что их вызывает? А что, если это только условные знаки, иероглифы действительности, если ощущения отделяют нас от окружающего и мы, как белка в колесе, кружимся в собственных иллюзиях?

Еще в XIX в. немецкий физиолог И. Мюллер привел, казалось бы, убедительные доказательства того, что мы воспринимаем особенности работы собственных органов чувств и ничего больше. Его опыты легко воспроизвести. Известно, что с помощью глаз мы воспринимаем свет, цвет; уха — звуки; языка — вкус и т. д., но что произойдет, если ударить по главному яблоку (не очень сильно, конечно)? Совершенно верно. Искры из глаз посыплются. Световые ощущения. А если подействовать на сетчатку глаза слабым электрическим током? Опять-таки — искры, так называемый фосфен. Что же получается? Чем бы ни подействовали на глаз — всегда свет?!

А ухо? Совершенно верно: легкий удар — звон, слабый ток — звон... Даже, казалось бы, безотказный и реалистический язык (не поверю, пока не попробую!) и тот порой нас обманывает: клеммы батарейки карманного фонарика... кислят!

Но эти факты скорее исключение, чем правило. И вызваны они тем, что наши органы чувств приспособились воспринимать определенные виды энергии, но сами их, конечно, не порождают. Главная и единственная гарантия того, что человек правильно отражает окружающий мир, — это успешная деятельность по его освоению и преобразованию.

Сенсорная депривация. Чтобы выжить, любой организм должен находиться в равновесии с окружающей средой. В самой непосредственной и прямой форме это означает усвоение того, что полезно, и выведение из организма того, что вредно. Отсюда — стремление к положительным воздействиям и избегание отрицательных. Когда человеческому организму не хватает каких-либо питательных веществ, на психологическом уровне это переживается как эмоция го-

лода, не хватает воды — жажда. Сколько же у человека таких «жажд»? Сразу приходит на память пушкинское: «Духовной жаждою томим...»

Оказывается, что одна из самых острых жизненных потребностей человека — потребность в нормальном потоке ощущений, которые буквально питают человеческий мозг, доставляют ему живительные и совершенно необходимые впечатления.

Пять всем известных органов чувств (на самом деле их значительно больше) собирают информацию из внешней среды для организма в виде света, цвета, звуков, запахов, вкусов, температуры, прикосновений. Внутренние органы чувств сигнализируют о состоянии сердца и печени, почек и желудка, мышц и кровеносных сосудов. Все эти многочисленные *сенсорные* (*sensus* по-латыни — ощущение) каналы сливаются в могучую реку, которая омывает и питает наш мозг не белками и углеводами, не витаминами и водой, а *информацией*. И нехватка каждого из видов информации вызывает свой вариант жажды, голода, желания... Желание, по мнению И. М. Сеченова, как с психологической, так и с физиологической точки зрения можно вообще поставить рядом с ощущением голода. Зрительное желание отличается от голода, жажды, сладострастия лишь тем, что с томительным ощущением, общим всем желаниям, связывается образное представление; в слуховом рядом с томлением является представление звука и пр.

Гениальный ученый задолго до испытаний в сурдокамерах и достижений космической психологии понял, что для нормальной психической деятельности, для того чтобы человек чувствовал себя здоровым и бодрым, необходим полноводный поток ощущений. А если его нет? Тогда возникают грозные явления, которым эта проблема — сенсорная депривация, сенсорный голод — обязана тем, что вошла во все пособия по космической медицине, биологии и психологии.

Необходимый поток ощущений в нормальных жизненных условиях достигается как бы автоматически. Под нормальными условиями здесь можно понимать два жизненных ряда. Во-первых, должны быть в исправности те физиологические приборы, которые отвечают за сбор информации: глаза должны видеть, уши — слышать, нос — обонять и т. д. Во-вторых, необходимы внешние предметы и явления, внешние раздражители, которые можно было бы разглядывать, прослушивать, нюхать, пробовать, щупать и т. д.

Академик И. П. Павлов рассказывал о больном, у которого была настолько повреждена нервная система, что из всех воспринимающих поверхностей остались только два глаза и ухо. И как только эти последние уцелевшие окна из внешнего мира закрывались, больной тотчас же впадал в сон. Таким образом, полностью подтвердилось, что для бодрствующего, деятельного состояния больших полушарий необходим известный минимальный поток раздражений. Другой больной, когда у него были открыты здоровое ухо и глаз, вполне понимал окружающих, мог читать и писать. Но как только ему закрывали либо ухо, либо глаз, он непременно впадал в забытьё и ничего из того, что происходило с ним в этот промежуток, не помнил.

В космонавты отбирают абсолютно здоровых людей, но им грозит сенсорный голод другого рода — черное безмолвие космоса.

В наши дни сенсорную депривацию, сенсорный голод создают искусственно и изучают в специальных условиях. Например, испытуемого в специальном снаряжении погружают в воду, так что полностью прекращается поток зрительных, слуховых, обонятельных и вообще всех внешних ощущений. Что же происходит при этом с внутренним миром человека? Очень многое: обман чувств, потеря ощущения собственного «я», нарушения в эмоциональной сфере и прочие неприятности. Недаром это одно из самых тяжелых испытаний для будущих космонавтов.

Попробуем вместе с одним из них — героем цикла рассказов С. Лема Пирксом погрузиться в специальную камеру, которую курсанты остроумно назвали «баней», и испытать все «прелести» строгой сенсорной депривации. В этом есть резон: во-первых, потому, что все психические явления описаны Лемом с бесспорной научной достоверностью (специально проверено); во-вторых, даже у инженеров входит в моду этот путь — поставить себя на место работающей детали и почувствовать то, что должна «переживать» она. Тем более важно научиться переживать за другого начинающим психологам.

Итак, надо постараться почувствовать то, что чувствовал погруженный в ванну Пиркс, и по возможности не отвлекаться.

«Пустота становится тревожной. Прежде всего он перестал ощущать положение собственного тела, рук, ног. Он еще помнил, в какой позе лежит, но именно помнил, а не ощущал. Он обнаружил, что у него уже нет ни туловища, ни головы — вообще ничего. Пиркс будто растворился в воде, которую тоже совершенно перестал ощущать. Нечем было шевельнуть: руки исчезли. Потом стало еще хуже. Темнота, в которой он находился, или, точнее, темнота — он сам, заполнилась слабо мерцающими кругами — круги эти даже и не светились, а смутно белели...»

Но зрительные и слуховые явления, эти мерцания, мелькания, шумы и гулы, были лишь безобидным прологом, игрушкой по сравнению с тем, что началось потом: «Он распался... Он немного здесь, немного там, и все расплзлось. Верх, низ, стороны — ничего не осталось... Он вселился в кого-то. И этот кто-то раздувался. Распухал. Становился безграничным. Он кружился. Вращался. Глазные орбиты без лица, округлые, вытарщенные, расплывающиеся, если пробовать им сопротивляться, наступали на него, лезли на него, расширяли его изнутри, словно он резервуар из тонкой пленки, готовый вот-вот лопнуть. И он взорвался».

Но, кажется, хватит. Теперь понятно, что означает сенсорная депривация. Стоит только еще раз напомнить: Лем ничего не придумал. В протоколах научных опытов есть и более впечатляющие картины психических изменений, причиной которых является недостаток чувственных сигналов.

Интересный материал об этом содержится в книге космонавта А. А. Леонова и психолога В. И. Лебедева «Психологические проблемы межпланетного полета», отдельные главы которой так и называются: «Сенсорный голод», «Психические состояния, возникающие в условиях сенсорной депривации».

Долой сенсорную депривацию? Но почему же тогда все чаще раздаются прямо противоположные требования? Дело в том, что в обычных, не экспериментальных условиях нас утомляет не столько недостаток внешних воздействий, сколько их изобилие. Поэтому так важно соблюдать самые простые правила психогигиены (умерьте мощь звучания своих музыкальных центров, магнитол, проигрывателей, телевизоров), которые на поверку оказываются правилами уважения к знакомым и незнакомым людям.

Компенсация в области ощущений и восприятий

Поэты склонны к парадоксам. В стихотворении «Новые чувства» Б. Слуцкий пишет:

Постепенно ослаблены пять основных,
 Пять известных, классических,
 Пять знаменитых,
 Надоевших, уставших,
 Привычных, избитых.
 Что там зрение,
 осязание, слух?
 Даже если с ними и сяду я в лужу,
 Будь я полностью слеп,
 Окончательно глух —
 Ощущаю и чувствую все же не хуже.

На самом же деле люди переживают потерю любого из каналов связи с окружающей средой как величайшую трагедию. С потерей органа чувств не просто какая-то часть выпадает из спектра переживаний, но перестраивается вся личность, все ее восприятие окружающих людей и жизни в целом.

Невозможно без глубокого волнения читать признания оглохшего Бетховена. Вот отрывок из его «Гейлигенштадтского завещания»:

«О люди, вы, которые меня ославили и сами считаете меня озлобленным, сумасшедшим или человеконенавист-

ником, о, как вы несправедливы! Вы не знаете той скрытой причины, по которой я кажусь вам таким. По природе пылкий и деятельный, даже не чуждый светских развлечений, я еще юношей вынужден был отказаться от людского общества и вести одинокую жизнь. Если иной раз я и пытался преодолеть это, каким жестоким испытанием было для меня всякий раз новое подтверждение моего увечья. И мне невозможно было сказать людям: «Говорите со мной громче, кричите, потому что я глухой!..» Простите же меня за то, что я вынужден сторониться всех, меж тем как мне хотелось бы быть среди вас. Мое несчастье для меня тем мучительнее, что я из-за него остаюсь непризнанным. Мне не дано находить вдохновение в обществе людей, в тонкой беседе, во взаимной откровенности. Один, совершенно один!.. Я должен жить, как отверженный. Едва только я попадаю в какое-нибудь общество, как меня охватывает чувство мучительного страха, я боюсь себя выдать, боюсь, что люди заметят мое несчастье».

Впрочем, даже столь трагическое явление, как потеря слуха, переживается людьми по-разному, в зависимости от общего рисунка личности. Может быть, М. Шагинян иронизирует, может быть, невольно преуменьшает значимость несчастья, которое с ней произошло, но она оценивает потерю слуха совсем иначе.

«Глухота моя, — читаем мы в удивительной книге «Человек и время», — стала заметной, я уже стала вытягивать голову в сторону говоривших со мной. Тетки и особенно тетя-крестная, считавшая себя ответственной за судьбу мою и Линину (сестры. — Я. К.), обратили на это внимание.

— Может помешать замуж выйти — кому приятно жениться на глухой? А не выйдет замуж — как она сможет зарабатывать?

Самой мне, честно говоря, глухота никогда не мешала, она даже утепляла, укутывала меня — и с годами все больше, все удобней...»

Психика, как мы уже говорили, целостная система. Это единство при потере отдельных органов чувств проявляется в явлениях *компенсации: сохранившиеся органы ощущений частично как бы берут на себя функции утраченных*. У слепых, например, обостряется слух, осязание, обоняние. А если потеряны и зрение, и слух, и, как следствие потери слуха, к тому же еще и речь? Трудно даже представить себе внутренний мир слепоглухонемого. Да и существует ли у такого человека внутренний мир?

В нашей стране жила замечательная женщина, жизненный подвиг которой равен подвигу Н. Островского. Это слепоглухонемая О. И. Скороходова. В детстве она заболела и полностью потеряла зрение, а потом слух. Девочке повезло. В десятилетнем возрасте она попала в школу-клинику, которую организовал ученый И. А. Соколянский. С помощью специальных методов, используя специальный алфавит и рельефно-точечный пальцевой шрифт (шрифт Брайля), самоотверженные педагоги вырвали Олю из черного безмолвия.

Она стала грамотным человеком, писала стихи, создала уникальную книгу «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир», которая переведена на многие иностранные языки.

На каждой странице этой книги находим мы интереснейшие данные о том, как сохранившиеся органы чувств в какой-то мере заменяют слух и зрение. Но главный урок книги все же не в установлении тех или иных отдельных психофизиологических закономерностей. Компенсация здесь прежде всего личностная. Именно об этом писал М. Горький в одном из писем О. И. Скороходовой: «... Вспоминаю вас как символ энергии, которая не может не проявить себя активно даже и тогда, когда она физически ограничена. На фоне грандиозных событий наших дней ваша личность для меня, литератора, — и тем самым немножко фантазера, — приобретает значение именно символа победоносной энергии человеческого разума, ценнейшей энергии, созданной природой-материей — как бы для самопознания».

Эмоциональный тон и взаимодействие ощущений

Когда утверждают, что ум с сердцем не в ладу, забывают одно важное обстоятельство: само познание начинается с эмоции, с чувства, сердца. Недаром сохранилось на первый взгляд не очень точное название «органы чувств» (правильнее было бы назвать «органы ощущений») — сохранилось и не собирается уступать свое место. Уже, так сказать, с порога оценивает организм поступившую через органы чувств информацию по простой, но надежной системе «да—нет», двойной системе «приятно—неприятно». Цвета и звуки, запахи и вкусы, прикосновение и температура еще до анализа, до рассуждения оказывают на человека непосредственное эмоциональное воздействие, и потом идет оценка, суд разума, потом выясняются исключения и противоречия: «приятно, но вредно», «красиво, но опасно», «привлекательно, но порочно» и т. д.

Все ощущения приятны или неприятны, имеют *эмоциональный тон*, эмоциональный аккомпанемент. Нежный звук флейты воздействует совсем иначе, чем скрежет тормозов на пустынном шоссе. Особенно сильна эмоциональная власть запахов.

Общепринятой классификации запахов не существует. В самом деле, цвета: красный, оранжевый, желтый и т. д. — до фиолетового; вкусовые ощущения: кислое, соленое, сладкое, горькое... А запахи? Чаще всего их называют по пахнущему предмету — цветочные, фруктовые и т. д.

Теории воздействия запаха на организм тоже фактически нет. И описывать запах очень трудно, даже поэтам. Чтобы описать эмоциональное воздействие запахов, И. Сельвинскому в стихотворении «Шиповник» пришлось привести в действие могучий арсенал всех наших чувственных восприятий.

Запах... Вдыхаю невольно
Это холодное пламя...
Оно омывает память,
Как музыкальные волны.

В этом, наверное, отразилась важная общая закономерность: в наших ощущениях и восприятиях все связано со всем. И вот мы говорим о теплых звуках и холодных тонах, о сладких трелях и...

горьких воспоминаниях. Недаром в коре большого полушария мозга все рецепторные зоны плавно переходят друг в друга, и резких границ между ними нет. Прекрасную «вкусовую» палитру наших чувств описал В. Солоухин:

Какого вкуса чувства наши —
И скорбь, и лютая тоска?
И впрямь горька страданий чаша?
Любовь и впрямь, как мед, сладка?

Горчинка легкая в стакане
У грусти явственно слышна.
Живая соль на свежей ране,
Когда обида солонна.

Среди страстей, среди боренья
Я различить тотчас берусь
И резко-кислый вкус презренья,
И кислотоватый скуки вкус.

Под вечер сладкая услада,
И на просвет почти черно
Вино дождя и листопада,
Печали терпкое вино.

Но все оттенки — бред и брэнность,
И ничего не слышит рот,
Когда стоградусная ревность
Стаканом спирта оплеснет.

Все так. И пусть. И горечь тоже.
Приемлю мед, приемлю соль.
От одного меня, о боже,
По милосердию уволь!

Когда ни вьюги и ни лета,
Когда ни ночи и ни дня,
Когда ни вкуса и ни цвета,
Когда ни льда и ни огня!

Адаптация

Легко заметить, что в последней строфе автор просит уберечь его от... сенсорной депривации. Кстати сказать, она может возникнуть по вине замечательного и полезнейшего свойства наших органов чувств и в совершенно обычных жизненных условиях без всякой сурдокамеры — в результате приспособления органа чувств к действующему раздражителю, иначе — адаптации. Чтобы основательно познакомиться с этим явлением, не нужны приборы и лаборатории.

Что происходит, когда из ярко освещенной комнаты человек выходит в темную прихожую?.. Совершенно верно. В первые мгновения он ничего не видит, а потом начинает различать окружающие предметы. Точно такое же явление, но с обратным знаком наблюдается и при переходе от сумеречного освещения к яркому свету — сначала свет слепит глаза, а потом наш глаз перестраивает свою деятельность, чувствительность понижается и человек нормально воспринимает окружающее. В первом случае — от света к сумеркам — говорят об адаптации к темноте, во втором — об адаптации к свету.

Мы не ощущаем привычной одежды — рецепторы кожи адаптировались. По этой же причине температура воды, которая поначалу казалась слишком горячей или слишком холодной, через несколько минут уже вообще почти перестает ощущаться. Адаптация повинна в том, что бабушка ищет очки, которые преспокойно сидят у нее на лбу... Из-за адаптации даже самые изысканные духи очень быстро перестают ощущаться. Но и неприятные запахи тоже.

Адаптация — это строго психофизиологическое явление. Подобные явления существуют и в других сферах психической жизни человека.

Грозна *эмоциональная адаптация*. То, что вчера волновало, будоражило, радовало, приводило в восторг, сегодня уже оставляет равнодушным, спокойным, безразличным. И чтобы вновь всколыхнуться, нужны новые и более сильные раздражители. Когда-то, предостерегая родителей, прогрессивный русский педагог П. Ф. Лесгафт говорил: «Сначала конфета, потом конфета с ромом, потом ром с конфетами, потом просто — ром...» Как часто молодые люди теряют интерес друг к другу из-за того, что в первый же период знакомства в ход были пущены, образно говоря, орудия главного калибра

и не осталось резервов... Совсем иначе описывается процесс постепенного сближения людей у классиков нашей поэзии, тонких знатоков диалектики душевной жизни. Помните, у Лермонтова:

Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! — лишний раз пожать!

В последние годы заговорили и о *социально-психологической адаптации*. Человек в новом коллективе тоже должен как-то перестроиться, приспособиться, прижиться. Но глаз перестраивается автоматически, а здесь все сложнее. И главное различие вот в чем: когда орган чувств перестраивает свою работу под влиянием действующих раздражителей, он не меняет ничего в окружающей среде. От того, что человек вошел в темную комнату, там светлее не становится, вода в озере не нагрелась от нашего присутствия в ней, молекулы душистого вещества не исчезли из-за того, что ими уже «надышались». Изменилось только ощущение. Совсем иначе протекает социально-психологическая адаптация к новым людям. Здесь ты сам активно воздействуешь на других. От твоего поведения, слов, мимики, жестов зависит вся ситуация общения, ее «температура» и «освещенность». И часто мы сами — кузнецы собственных неудач в новых для нас группах и коллективах.

Виды восприятий

Достаточно ли у человека природных приборов сбора информации — органов чувств — для познания всего многообразия окружающего мира? Почти 90 процентов всей информации доставляет нам «солнечный орган» — глаз. Поистине, как сказал Э. Межелайтис:

Глаза — широкие ворота,
Весь мир проходит через них.
Идет без спросу и отчета
Добро и зло мастей любых...
Все, что вне нас
и вокруг нас,
Вбирает, поглощает глаз.

Но все ли? В книге известного английского исследователя психологии зрительного восприятия Р. Грегори «Глаз и мозг» помещена очень впечатляющая схема: на вертикальную шкалу нанесены в соответствии с определенным масштабом обозначения электромагнитного спектра — от длинных радиоволн до гамма-лучей. Оказывается, мы в состоянии воспринять как свет и цвет лишь ничтожную, удручающе узкую полоску излучений. «Взгляните на этот рисунок, — восклицает Грегори, — ведь мы почти слепы! Пусть так, но откуда мы знаем о существовании всего спектра, о микробах и вирусах, загадочном микромире и обратной стороне Луны?»

Видит не глаз сам по себе — человек всматривается в мир через мощную линзу своего разума, который преодолевает физиологическое несовершенство нашей телесной организации. Недаром другую свою книгу Р. Грегори назвал «Разумный глаз». Именно разум дал нам крылья для покорения пространства и времени.

Итак, мы покоряем пространство и время. С первым все более или менее ясно. В том смысле, что есть вполне очевидные средства для его познания. В результате сложных взаимодействий зрительных и двигательных ощущений человек воспринимает величину и форму предметов, их взаимное расположение и удаленность. При этом, как показали специальные исследования, происходит как бы *снятие мозговых моделей, слепков окружающего в результате специальной перцептивной деятельности*.

Но как моделируется время, как оно непосредственно воспринимается и оценивается?

Исследования физиологических законов деятельности нашего организма показали, что сам организм подчинен законам ритма и времени. Говоря о восприятии времени, И. П. Павлов отмечал, что мы делаем это при помощи разных циклических явлений, захода и восхода солнца, движения стрелок по циферблату часов и т. д. Но ведь у нас в теле этих циклических явлений тоже немало. Головной мозг за день получает раздражение, утомляется, затем его работоспособность восстанавливается. Пищеварительный канал пери-

одически то занят пищей, то освобождается от нее и т. д. И так как каждое состояние органа отражается на больших полушариях мозга, то основанием это и является, чтобы отличать один момент времени от другого.

На то, что «внутренние часы» тесно связаны с общим состоянием психики, указывают многочисленные факты «поломок». И «починкой» здесь чаще всего занимаются психиатры. Больные в депрессивном, подавленном состоянии переоценивают время. Оно тянется для них томительно и долго. А в состоянии повышенного возбуждения, в маниакальном состоянии у тех же больных восприятие времени резко меняется.

Психологическая относительность времени связана с деятельностью человека, богатством его восприятий, его мыслями и чувствами, со всей направленностью личности, ее историей. Кстати сказать, в условиях сенсорной депривации, когда поток впечатлений резко сокращается, а привычные временные ориентиры отключены, расстраиваются и «внутренние часы».

В книге «Один в глубинах земли» французский спелеолог М. Сифр, который провел почти шестьдесят три дня в пропасти Скарассон на глубине сто тридцать пять метров в темноте пещеры без часов и других указателей времени, рассказывает об интересных явлениях, связанных с расстройством биологических часов. Через тысячу часов (более сорока суток) ему казалось, что прошло лишь двадцать пять суток. А когда добровольное заточение окончилось и друзья пришли за Сифром, он заявил: «Если бы я знал, что конец так близок, то давно бы съел оставшиеся помидоры и фрукты».

Субъективное убыстрение течения времени отмечали и другие покорители пещер. Парадоксальность этого явления в том, что оно противоречит основному закону психологической относительности времени — *временные отрезки, заполненные интересной, эмоционально насыщенной деятельностью*, недооцениваются, а время, связанное со скукой или ожиданием, переоценивается. Этот закон, пожалуй, лучше всех сформулировал С. Маршак:

Мы знаем: время растяжимо.
Оно зависит от того,
Какого рода содержимым
Вы наполняете его.

Бывают у него застои,
А иногда оно течет
Ненагруженное, пустое,
Часов и дней напрасный счет.

Пусть равномерны промежутки,
Что разделяют наши сутки,
Но, положив их на весы,
Находим долгие минутки
И очень краткие часы.

Мы — современники одной из величайших «психологических революций» в восприятии времени. Мы, кажется, физически ощущаем его стремительный бег, его неумолимую последовательность, невозвратимость и ни с чем не сравнимую личностную ценность. Если для некоторых высшая оценка времени — «время — деньги», то для других время — новые знания, новые впечатления, новые мысли, новые деяния. Из времени строим мы свою личность. Исчезает время — распадается связь времен — распадается личность. «Я» — это всегда синтез: «я» вчерашний, «я» сегодняшний, «я» завтрашний.

Психологическую относительность времени можно рассмотреть не только как его различную личностную оценку в зависимости от «содержимого» наших чувств и нашей деятельности. Она проявляется и в двойной исторической экспозиции. Первая экспозиция — это различия в восприятии времени в разные исторические эпохи. Вторая — история восприятия времени в ходе развития каждого человека от рождения до кончины.

Историк А. Я. Гуревич говорит, что человек не рождается с «чувством времени». Его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит.

Первобытный человек знал лишь недавнее прошлое и непосредственное будущее. Пространство и время для него выступали в качестве могущественных таинственных сил, которые могут быть до-

злыми. Долгие века прошли, прежде чем люди пришли к необратимости времени, — им казалось, что все всегда существует, а то, что сегодня отмирает, завтра возрождается в неизменном виде: «Ничто не ново под луной». «Завтра, — говорили американские индейцы, — это только другое имя для сегодня». Выразительный символ древнеиндийского, например, понимания времени — колесо. Колесо космического порядка извечно движется, это постоянно возобновляющийся круговорот рождения и смерти. Медленно текло время и для жителя средневековой Европы. Главным ориентиром суток был звон церковных колоколов.

Поскольку, по мнению А. Я. Гуревича, темп жизни и основных занятий людей зависел от природного ритма, то постоянной потребности знать точно, который час, не существовало. Не дорожили временем, и привычного деления дня на части было вполне достаточно, понятия о минуте как отрезке времени и интегральной части часа не было. Даже после изобретения и распространения в Европе механических часов они очень долго не имели минутной стрелки.

Для Средневековья наглядный образ времени — это канат, протянутый с востока на запад и изнашивающийся от еженедельного свертывания и разворачивания. И только лирические поэты уже тогда почувствовали и выразили психологическую относительность времени: в горе и в порывах страсти герои забывают о времени, оно меняет для них свое привычное течение. Сгорая от нетерпения поскорее соединиться со своей невестой, один из героев скандинавского эпоса «Старшая Эдда» восклицает:

Ночь длинна,
две ночи длиннее,
как вытерплю три!
Часто казался мне
месяц короче,
чем ночи предбрачные.

Так, пожалуй, мог сказать уже Ромео. А что касается Джульетты, то для нее: «В минуте столько дней, что, верно, я на сотни лет состарюсь, пока с моим Ромео свихнусь вновь».

Но это для переживания настоящего момента. Что касается оценки прошедшего времени, то здесь действует обратная закономерность: незаполненные, пустые отрезки, которые тянулись мучительно долго, при воспоминании кажутся промелькнувшими мгнов-

ениями, а мгновения, наполненные интересной, ответственной и эмоционально насыщенной деятельностью, оцениваются потом как значительные этапы жизни.

Установлено, что восприятие времени — самая трудная задача для детей. И немудрено. Начать хотя бы с того, что время не имеет наглядной формы. Его невозможно понюхать, попробовать, пощупать, увидеть. Его можно только прожить. А сколько путаницы вносит относительность словесных обозначений: «сегодня» — это вчерашнее «завтра» и завтрашнее «вчера». А что такое «скоро», когда так хочется в кино и так не хочется идти в поликлинику?

Конечно, с самого рождения младенца взрослые запускают режимные часы, и ребенок регулярно в одно и то же время хочет есть, спать, гулять. Разумеется, если у самих взрослых с этими режимными часами все в порядке. Но одно дело жить по часам и совсем другое — осознавать временную протяженность всей своей жизни. И все начинается сызнова — природные явления, ритм дня и ночи — первые надежные опоры детского «внутреннего календаря».

Сана (два года шесть месяцев), ложась спать, умывается и говорит:

— Сейчас я скажу: «С добрым утьем?»

Мать:

— Нет, это ты утром скажешь, а сейчас вечер.

— Какая язница?

— Разница в том, что утром светло бывает и люди начинают работать, а вечером темно и люди ложатся спать. Так, вечером надо сказать: «Спокойной ночи».

— Нет, спокойной ночи надо сказать, когда ночную юбаску оденешь. А сейчас помысь тойко. Надо сказать: «С добрым утьем».

Ребенок ищет и находит в своей жизненной практике надежную систему временных координат. Правда, эти координаты еще легко сжимаются от его страстного желания приблизить какое-либо радостное событие.

— Мама, — спрашивает четырехлетний Миша, — когда наконец наступит мой день рождения?

— Послезавтра.

— Это сколько раз я должен лечь спать?

— Два раза.

Миша немедленно ложится в кровать, всхрипнув два раза:

— Уже поспал! Уже день рождения!

Да, течение времени у детей не укладывается в арифметический ряд.

Апперцепция и установка

Итак, в результате сложной и согласованной работы органов чувств, познавательной деятельности человека в мозгу возникает образ объективного мира. А это значит, во-первых, что этот мир существует вне нас и независимо от нас, во-вторых, что картина мира в человеческом мозгу — не мозаика условных знаков или иероглифов, а система моделей-образов, которые в своих существенных свойствах повторяют вызвавшие их оригиналы.

Но внутренняя картина мира у каждого человека не просто образ окружающего, а *субъективный* образ. Это значит, во-первых, что индивидуальные картины мира могут существовать только в сознании конкретного живого человека и что, во-вторых, у каждого человека свой вариант этой картины. Кто-то сравнил писателя с человеком, который идет по дороге с большим зеркалом и отражает увиденное в своих произведениях. Этот образ, может быть, хорошо подчеркивает идею правдивости и реализма в искусстве, но не очень точно выражает активность и избирательность человеческого мировосприятия. И то, что увидит человек, и то, как он увидит и поймет, во многом зависит от внутреннего содержания его личности, его опыта, знаний, интересов, чувств, потребностей, от всей его индивидуальной истории.

Человек смотрит на мир (еще одно подтверждение силы зрительных впечатлений: мы говорим «смотрим» даже там, где точнее было бы перечислить все виды наших ощущений и сказать: слушаем мир, обоняем его, пробуем, осязаем и т. д., вообще — воспринимаем) через призму своей личности, своего опыта, чувств и интересов. Эта зависимость называется *апперцепцией*.

Особенно внимательно изучали зависимость восприятия и вообще всей психической деятельности человека от содержания сознания, от того, что было понято и пережито человеком, от его чувств и желаний грузинские психологи — последователи Д. Н. Узнадзе. Классический опыт выработки у человека простейшей установки (этим термином обозначают состояние готовности или предрасположенности к действию определенным образом, состояние, которое как бы вклинивается между познающим человеком и познаваемым объектом) легко повторить.

Для этого надо иметь три шара и добровольца-испытуемого. Испытуемого следует усадить в кресло и предложить ему на ощупь определить объем шаров, которые будут вкладывать ему в правую

и левую руки. В правую руку дается меньший шар, а в левую — больший. Можно, разумеется, и наоборот. Через определенное число повторных воздействий (обычно десять — пятнадцать раз) субъект получает в руки пару равных по объему шаров с заданием сравнить их между собой. И вот оказывается, что испытуемый не замечает, как правило, равенства этих объектов, наоборот, ему кажется, что один из них явно больше другого, причем чаще в направлении контраста, т. е. большим кажется ему шар в той руке, в которую в предварительных опытах он получал меньший по объему шар.

Подобную установку можно выработать почти во всех видах восприятия. Все, наверное, помнят о чеховском школяре, который так усердно овладевал латынью, что позже написанное русскими буквами слово «чепуха» прочитал на латинский манер — «реникса». Оказывается, во всем виновата опять-таки установка. Трудно утверждать, но не исключено, что именно А. П. Чехов подсказал грузинскому психологу З. И. Ходжава остроумные опыты по выработке эффекта установки методом «нейтрального шрифта». Сначала испытуемому, умеющему читать по-немецки или по-французски, предлагают прочитать написанные от руки латинским шрифтом бессмысленные слова, которые с определенной частотой повторяются на специальном экране: yidel, hulud, dulya, daluf и т. д. После того как испытуемый прочитывает двадцать пять таких псевдослов, ему в том же темпе предлагают хорошо знакомые русские слова, тоже написанные от руки. Слова эти состоят из таких букв, которые по конфигурации не отличаются от латинских: «почва», «напор», «потоп», «парча», «ветер», «сироп», «почта» и т. д. И вот оказывается, что несколько первых русских слов испытуемые читают как бы на иностранном манер: «почва» произносится как «норба», «парча» — как «напра», «почта» как «нотра» и т. д. (Пишущий эти строки обнаружил, что даже он, знающий «секрет» опыта, после длительного восприятия достаточно большого ряда установочных псевдослов начал испытывать трудности и с чтением, и с написанием последующего текста: приходится делать над собой специальное усилие, чтобы не путать два вида шрифта.)

Интересна устойчивость и «агрессивность» такой установки: испытуемый пишет латинским шрифтом под диктовку пятнадцать немецких слов, после чего ему предлагают следующее слово написать правой ногой (видимо, опыты проводились на песчаной отмели). Слово предлагалось русское, но под влиянием установки оно теряет свой смысл и воспринимается как какое-то незнакомое немецкое слово, и нога выводит — *baran* (баран), *udar* (удар) и т. д. Так было бы, темпераментно восклицает З. И. Ходжава, даже тогда, «если возможно было бы писать носом, языком или ухом!».

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС

В жизни каждого человека установки играют огромную роль. Возникают они совершенно незаметно, то в виде обычая, то в виде привычки, то в форме присоединения к мнению окружающих. Порой такие установки действуют как предубеждение, предрассудок, предвзятость. Легко заметить, что приставка *пред-* во всех этих словах означает, что определенная тенденция так или иначе воспринимать явления окружающего мира возникла до встречи с объектом, предшествовала этой встрече. Порой такие установки буквально застилают от человека реальные факты.

Американский этнограф Б. Малиновский, который изучал жизнь одного первобытного племени, приводит яркий пример зависимости восприятия от обычаев. Ученый обратил внимание на то, как похожи на своего отца и, естественно, друг на друга пять сыновей вождя племени. В присутствии многих туземцев Малиновский сказал, что сыновья похожи на отца. Это его замечание было встречено с одобрением. Однако, когда он сказал, что они похожи друг на друга, это мнение было отвергнуто с большим негодованием. Более того, туземцы удивились, как вообще можно было высказать столь абсурдную мысль. Этнограф, который своими глазами видел сходство братьев, был поражен подобной странной реакцией окружающих. В конце концов ему удалось установить, что существует старинное табу, запрещающее туземцам находить такое сходство, и они не видели то, что видеть не полагалось.

Выработанные в детстве установки могут определить не только то, что и как надо видеть, но они во многом обуславливают все виды восприятий, формируют глубоко своеобразный вариант картины мира. И в этот мир легко входит только то, что соответствует его законам. Те впечатления, которые им противоречат, нередко видоизменяются людьми или просто отбрасываются.

Вообще, когда человеку приходится воспринимать какую-то несовместимую с его внутренними убеждениями информацию, у него возникает неприятное переживание психологического дискомфорта — *когнитивный диссонанс*. И дальше он сознательно или неосознанно старается как-то выйти из этого тревожного состояния: новая информация либо просто отбрасывается по принципу: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда», либо как-то обесценивается, либо от нее просто убегают, занимая страховую позицию.

Сплошь и рядом, конечно, приходится присматриваться и прислушиваться даже к тому, что поначалу кажется неприятным, ненужным и даже абсурдным. Более того, эта новая информация может оказаться верной и полезной и в конце концов принимается. Но для нас здесь важно было подчеркнуть сам факт барьера, который возникает благодаря нашей внутренней позиции. Впрочем, установка, содержание внутреннего мира человека могут сыграть роль увеличительной линзы и даже искажающего зеркала. Так возникают мнимые восприятия, обманы чувств, галлюцинации.

Историк и психолог Б. Ф. Поршнев считал, что информация, передаваемая человеком человеку, проходит через фильтр доверия или недоверия. Информация может быть абсолютно истинной и полезной и все-таки остаться не принятой, не пропущенной фильтром. И наоборот, информация может быть ложной и вредной, но принятой в силу открытости для нее шлюза доверия.

Собственно говоря, на учете этих личностных факторов восприятия основаны все так называемые проективные методы изучения внутреннего мира человека: что испытуемый увидит или чего не увидит в причудливых пятнах Роршаха, зависит, говоря языком старинных романов, от того, что у него на душе.

В широко используемом психологами тематическом апперцептивном тесте испытуемому предъявляются фотографии с заведомо неопределенным содержанием, размытым изображением и т. п. Испытуемый должен на основе этих фотографий составить рассказ,

в котором должно отражаться прошлое, настоящее и будущее персонажей. В процессе построения и изложения рассказа испытуемый наделяет персонажей собственными мыслями, чувствами и т. п.

Короче говоря, скажи мне, что и как ты воспринимаешь, и я скажу, кто ты.

Самопроверка • Самопознание • Самовоспитание

Заседание девятое

Вопросы и задания

1. В чем сходство и различие двух психических процессов: ощущения и восприятия?
2. Почему человек не ощущает пылинок, которые оседают на его лице?
3. В зале включены люстры, которые дают освещенность в две тысячи люксов. Заметят ли присутствующие, если освещенность изменится на двадцать пять люксов? Почему?
4. В цехе работает шестьдесят одинаковых станков. Сколько из них должно остановиться, чтобы мастер на слух мог это установить?
5. Юноша несет связку из десяти книг, каждая из которых весит триста граммов. Заметит ли он, что связка стала тяжелее, если подложить ему еще брошюру весом восемьдесят граммов? Почему?
6. Почему самолет, «пойманный» лучами прожекторов, нередко теряет управление и сбивается с курса?
7. В романе Э. Л. Войнич «Овод» есть эпизод: Джули, жена брата Артура, отчитывает своего родственника. «От ее тонкого пронзительного голоса, — замечает автор, — у Артура стало кисло во рту». Является ли это замечание психологически верным?

Эксперимент. «Роль движений в осязании»

С группой одноклассников сделайте простой, но очень выразительный опыт, который убеждает, что при восприятии, в

процессе активного взаимодействия органа чувств с объектом, возникает перцептивная модель этого объекта.

Приготовьте из картона несколько небольших геометрических фигур — квадрат, треугольник, круг, звездочку, пирамиду.

Испытуемому завязывают глаза. Экспериментатор осторожно кладет фигурки одну за другой сначала на предплечье ближе к кисти руки, затем на ладонь испытуемого и спрашивает: «Что вы ощущаете?»

Обычно (фигурка лежит на предплечье) отвечают: «Чувствую — что-то лежит, но что именно, не знаю». Когда фигурка лежит на поверхности ладони (кстати, здесь экспериментатор должен быть начеку: испытуемый обязательно невольно попытается совершить какие-то движения), ответы становятся более определенными, хотя тоже остаются неправильными: «Что-то вроде круга» (на самом деле — квадрат) — и т. д.

Наконец экспериментатор разрешает опустить фигурки. Жадные движения пальцев. Они как бы обрисовывают фигурки, как бы снимают с них слепок, модель. В результате — безошибочное узнавание. Почти таким же будет результат, если фигурку двигать по ладони, «кантовать».

Тема для дискуссии

Сравните отрывки из стихотворений Л. Мартынова и Б. Слуцкого, помещенные в этой главе, со стихотворением О. И. Скородовой «Думают иные».

Думают иные — те, кто звуки слышат,
Те, кто видят солнце, звезды и луну:
— Как она без зренья красоту опишет?
Как поймет без слуха звуки и весну!?

Я услышу запах и росы прохладу,
Легкий шелест листьев пальцами ловлю.
Утопая в сумрак, я пройду по саду,
И мечтать готова, и сказать люблю...
Пусть я не увижу глаз его сиянье,

Не услышу голос, ласковый, живой,
Но слова без звука — чувства трепетанье —
Я ловлю и слышу быстрою рукой.

И за ум, за сердце я любить готова,
Так, как любят запах нежного цветка.
Так, как любят в дружбе дорогое слово,
Так, как любит трепет сжатая рука.

Я умом увижу, чувствами услышу,
А мечтой привольной мир я облечу..
Каждый ли из зрячих красоту опишет,
Улыбнется ль ясно яркому лучу?

Не имею слуха, не имею зренья,
Но имею больше — чувств живых простор:
Гибким и послушным, жгучим вдохновеньем
Я соткала жизни красочный узор.

Если вас чаруют красота и звуки, —
Не гордитесь этим счастьем предо мной!
Лучше протяните с добрым чувством руку,
Чтоб была я с вами, а не за стеной.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ